

Павел Владимирович Засодимский

История одной уставной грамоты

Павел Владимирович Засодимский

История одной уставной грамоты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=631755

*Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей 60-70-х годов XIX
века: Современник; Москва; 1986*

Аннотация

«...Алексея я нашел у избы на завалинке. Он сидел, грелся на вечернем солнышке и задумчиво чертил что-то палкой по земле. Постарел приятель!.. Когда я уезжал из деревни, ему было около сорока лет, и он тогда выглядел молодец молодцом. А теперь борода его сделалась совсем сивая, лицо сморщилось, потемнело, грудь ему точно что-нибудь вдавило, плечи подались вперед, опустились – и весь он как-то сгорбился, сделался ниже, меньше...»

Павел Владимирович Засодимский История одной уставной грамоты *(Из деревенских летописей)*

Ровнехонько двадцать четыре года не был я на родной стороне. Уехал я из деревни в конце зимы 1864 года, а ныне весной только приехал домой – повидаться с родными. Много перемен нашел я в деревне. Старики померли; те, что были в мое время мальчишками, сделались бородатými мужиками; молодые, здоровые парни состарелись.

В день моего приезда – в теплый майский день – над нашей стороной пронеслась первая весенняя гроза. Когда дождь перестал и солнце выглянуло из-за темных клочков разорвавшихся туч, я отправился в деревню, к своему старому другу-приятелю, Алексею-кузнецу. Деревня показалась мне такой жалкой, такой убогой, какой я никогда еще не видал ее. Я увидел покривившиеся избы с подслеповатыми оконцами, бревенчатые стены, почерневшие от недавнего дождя, серые полусгнившие соломенные крыши, поразметанные ветрами, грязную улицу и груды соломы и навоза в проулках между избами и на задворках. У некоторых

изб двери и окна были наглухо заколочены досками. Посреди этих темных, полуразвалившихся хат две новые избы ярко блестели на солнце своими белыми сосновыми стенами. А одна из этих изб, большая, двухэтажная, была построена на городской манер и напоминала собой выскочку, вырядившегося в новое платье за счет «черни» и неуместно задиравшего нос перед той же самой «чернью»...

Алексея я нашел у избы на завалинке. Он сидел, грелся на вечернем солнышке и задумчиво чертил что-то палкой по земле. Постарел приятель!.. Когда я уезжал из деревни, ему было около сорока лет, и он тогда выглядел молодец молодцом. А теперь борода его сделалась совсем сивая, лицо сморщилось, потемнело, грудь ему точно что-нибудь вдавило, плечи подались вперед, опустились – и весь он как-то сторбился, сделался ниже, меньше. Алексей сидел понурившись, но, услышав мои шаги, лениво поднял голову и из-под руки посмотрел на меня своими серыми, теперь слезившимися глазами. Солнышко мешало ему, и он не сразу признал меня. Поздоровались, поцеловались трижды, и я сел с ним рядом на завалинку.

– Ну, брат, Алексей, постарел же ты! – сказал я, посмотрев на его глубокие морщины и на седые, слегка выющиеся волосы.

– Да и ты, парень, не помолодел! – с тихой усмешкой промолвил он, пристально поглядев на меня.

– Что и говорить! – согласился я.

Я взял папиросу, другую подал Алексею; закурили и с минуту курили молча. Нам хотелось разом о многом поговорить, но слов как-то не находилось.

– Ну, как же вы, други мои, без меня поживали? – спросил я.

– Да так вот и поживали – плохо! – отвечал Алексей и, поговядя немного, стал мне рассказывать о своих семьянах. Старуха его уже давно умерла; сын его, Петр, побывал в солдатах и воротился домой; теперь он со стариком управляется в кузнице; Мишутка давно женат и дети есть; три дочери замужем, одна в девках осталась.

– Вместе живете? Не поделились? – спросил я Алексея.

– Нет, бог миловал! – проговорил он. – Бабы-то промеж собой пошумят иной раз. Известно, без шуму у них никак нельзя, – то из-за плошки, то из-за поварешки дело затеют. Да ведь это что!.. Их пожалуй, не переслушаешь. Тут, братец, главное дело, чтобы мужья не путались в их бабьи пересуды: уж они сами промеж собой разберутся... Пофыркают, постучат ухватами и угомонятся...

– А в деревне у вас что нового? – спрашивал я.

– Нового?.. А вон кабак новый! – с усмешкой сказал Алексей, махнув головой в ту сторону, где видна была новая изба с вывеской кирпичного цвета и с надписью белыми буквами: «Питейная лавка». – Недавно, лет пять тому будет, завелась у нас еще одна лавка. Нимфодорку-то помнишь? Так вот, значит, ейная дочь теперь лавочницей... И все-то, бра-

тец, у нее есть: ситцы французские, керосин и табачище, и для девок всякая дрянь.

Когда я уезжал из деревни, уставная грамота еще не была утверждена, и у крестьян с помещиком шли споры из-за наделов. Теперь мне припомнилось это обстоятельство, и я спросил Алексея: как у них кончилось дело с барином?

– Да никак не кончилось! – коротко ответил Алексей.

– Как же это?.. В двадцать пять лет распутаться не могли?

– Да вот! – мотнув головой, сказал Алексей. – Встало наше дело – ни взад, ни вперед, хошь ты что скажи! Ни в кузов не лезет, ни из кузова не идет. Иной раз подумаешь – даже самому чудно станет... Ровно нас кто обошел – ей-богу, право!

– Да вы, братцы, и в самом деле, никак, очумели! В двадцать пять лет не могли наделов выправить...

– Гм! Очумеешь тут... Пожил бы ты в нашей шкуре, так и сам бы, дружок, не хуже нашего очумел...

Алексей вздохнул и, понурившись, стал чертить палочкой по земле. Я поглядел на него. Глаза его тупо смотрели на грязную деревенскую улицу, на ту пору залитую золотом солнечных лучей; губы его подергивались какою-то странною, болезненною улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.